

О логической структуре сновидения*

А. Делакруа, Франция

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-9-28-43

Исследовательская статья

Аннотация

Как объяснить, что наши сновидения часто представляют собой не хаотичное, бессвязное нагромождение образов, а определенную, вполне организованную их последовательность? Как согласуются ощущения и образы в сновидениях, какой своеобразной логике они подчиняются, какова здесь роль эмоций и идей? Анри Делакруа формулирует в своей статье эти вопросы и предлагает ответы, разграничивая и рассматривая разные типы сновидений. Учитывая и критически оценивая концепции современных ему исследователей, изучавших проблему сновидений, Делакруа выдвигает собственную гипотезу. С его точки зрения, в основе многих сновидений лежит идея, т.е. крайне изменчивая и подвижная основная мысль, которая способна направлять движение образов, являющихся ее репрезентацией. Образы представляют собой развитие какой-то ментальной темы или сочетание многих тем. Между сновидением и грезой наяву, по Делакруа, существует лишь различие в сложности и систематизации.

Ключевые слова: сновидение, образ, ментальная тема, идея.

Перевод с французского:

Блауберг Ирина Игоревна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН.

irinablauberg@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-2702-9386>

Цитирование: Делакруа А. (2018) О логической структуре сновидения / пер. с франц. И.И. Блауберг // Философские науки. 2018. № 9. С. 28–43.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-9-28-43

On the Logical Structure of the Dream

H. Delacroix, France

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-9-28-43

Research paper

* Перевод издания: *Delacroix H. Sur la structure logique du rêve // Revue de métaphysique et de morale. 1904. Т. 12. № 6. P. 921–934.*

Summary

How can we explain that our dreams are often not a chaotic, incoherent pile of images, but a definite, perfectly organized sequence of images? How do the sensations and images fit in dreams, what kind of logic do they obey, what is the role of emotions and ideas? Henri Delacroix formulates these questions in his article and offers his answers, delineating and examining different types of dreams. Taking into account and critically evaluating the concepts of contemporary researchers who studied the problem of dreams, Delacroix puts forward his own hypothesis. From his point of view, at the basis of many dreams lies an extremely changeable and mobile basic idea which is able to direct the movement of images that are its representation. Images represent the development of a mental theme or a combination of many topics. Between a dream and a daydream, according to Delacroix, there is only a difference in complexity and systematization.

Keywords: dream, image, mental theme, idea.

Translation from French:

Irina Blauberger – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow at the Department of the Contemporary Western Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Science.

irinablauberger@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-2702-9386>

Citation: Delacroix H. (2018) On the Logical Structure of the Dream (I.I. Blauberger, Trans.). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 1918. No. 9, pp. 28–43.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-9-28-43

Все психологи согласны признать, что материалом сновидений являются ощущения и образы. В недавних работах были подтверждены прежние выводы и с большой точностью определена роль внутренних, внешних и, наконец, субъективных ощущений (в частности, субъективных зрительных ощущений). Вместе с тем, для сновидения необходим образ – скажем так, сновидения без образа не существует: это установлено путем анализа, выделяющего образы из сновидения, даже из тех сновидений, которые, как кажется на первый взгляд, складываются только из перцептивных картин; даже в этом случае именно образ, добавляясь к ощущению, составляет иллюзорное восприятие. Единственный вопрос, способный нарушить согласие наблюдателей, таков: может ли сновидение включать в себя только образы или во всех случаях необходимо ощущение; иными словами, зависят ли все

сновидения от сенсорного возбуждения или же некоторые из них являются простыми цепочками (suites) представлений; иначе говоря, существуют ли сновидения психические и сновидения сенсорные, либо же только сенсорные, причем ощущение как раз и пробуждает в сознании (esprit) необходимое дополнение в виде образов. Конечно, бывают сновидения, которые кажутся всего лишь воспоминаниями или же грезами, вроде тех, что порой переживаешь наяву, когда рассеянность влечет за собой максимальное ослабление восприятий; но нельзя безоговорочно утверждать, что исходным или опорным пунктом для этих сновидений не послужили одно или несколько ощущений, сами по себе незаметных. В результате анализа галлюцинаций многие из них, так называемые центральные, были включены в группу тех, что называют периферическими, т.е. связанными с субъективными ощущениями; роль в процессе мышления субъективных и следующих друг за другом ощущений была детально изучена Уильямом Джеймсом.

По сути, вопрос, о котором идет речь, вряд ли можно разрешить; я полагаю, что с помощью одного лишь опыта и безо всякой теории ментальной деятельности невозможно выяснить, имеет или нет любая игра образов некий субстрат или по крайней мере сенсорный возбудитель. Возьмем группу образов, по видимости менее всего связанных с наличными ощущениями; всегда можно задаться вопросом, не возникает ли она, вследствие рефлекса (1), из возбуждения, привносимого в сознание этими ощущениями, и не содержит ли она некое аффективное или интеллектуальное качество, получаемое из этих ощущений. Но в сновидении любой образ выходит за рамки ощущения, а потому, если имеется ощущение, то отношение к нему образа и отношение образов друг к другу в формировании сновидения вновь поднимает весь ряд проблем.

Восприятия, свойственные сновидению, суть иллюзии (2); вместо того чтобы воспринимать верно, как бодрствующий человек, спящий выстраивает на наличном ощущении воображаемую конструкцию. Итак: 1) почему, вместо того чтобы воспринимать, мы конструируем иллюзии; 2) почему мы конструируем именно эту иллюзию, а не другую; почему мы добавляем к ощущению, чтобы сформировать иллюзорное восприятие, именно этот образ, а не иной? На первый вопрос дают ответ, утверждая, что в этой интеллектуальной дезорганизации, в этой ментальной диссо-

циации как раз и заключается собственный характер сновидения; бодрствующее мышление обучено связывать с элементарными ощущениями, согласно законам полезности, привычки и сходства, некие интерпретирующие образы, которые завершают их, превращая в восприятия. Это строгое соответствие, эта точность подгонки – воспользуемся выражением г-на Бергсона, – в сновидении исчезает; прерывается нормальная связь между ощущением и образом (3). Правда, нужно тщательнее проанализировать это понятие, которое скорее выражает факты, чем объясняет их. На второй вопрос попытались ответить, показывая, что в сознании имеются некие привилегированные образы, которые, вовсе не подпадая под власть ограничивающих их ощущений, равно как практических и теоретических интересов бодрствования, завладевают ощущением и обращают его к своей пользе. Г-н Деляж попытался установить, что эти образы воспроизводят все впечатления бодрствования, воспринятые, но не замеченные, которые, будучи освобождены от принуждения со стороны других, более сильных, заполняют сознание во время сна и разворачиваются в сновидение; последнее является тогда расширенным отражением недавних и не привлечших нашего внимания событий (4). На наш взгляд, трудно установить, что все образы сновидения относятся к этой категории; возможно, данная теория базируется на личном наблюдении автора и, вероятно, прилагается к другим индивидам; она выделяет определенный тип сновидцев и определенный класс сновидений (5); но другие наблюдения ограничивают ее значение: ведь бывают сновидения, вводящие в игру важные образы, уже существовавшие в прошлом (*anciennes*). С другой стороны, как удастся установить порядок между этими образами, которые во множестве стекаются в сознание? как организуются их совокупности? Необходимо проникнуть дальше в логическую структуру сновидения, чтобы объяснить возрождение и сочетание образов.

Сновидение редко бывает перцептивной картиной, простой иллюзией или, если угодно, простой галлюцинацией – зрительной, слуховой и пр.; чаще оно представляет собой последовательность картин; нередко оно также охватывает, помимо картин, состояния иного рода – аффективные, логические, движения и пр. Но случается так, что эта масса смешивается и образует последовательность. Нужно задаться вопросом, откуда берется эта согласованность, связность. На деле, как кажется, правилом должна быть бессвязность: 1) обособленные и прерывистые ощущения,

следующие друг за другом, в любой момент образуют исходный пункт для новых ассоциаций без связи с предшествующими; 2) игра образов, подвластная случайности автоматизма, освобожденная от контроля рефлексии, должна была бы ежеминутно отклоняться от курса, как это происходит, когда мы перестаем наблюдать за своими идеями; тем более что – если признать гипотезу привилегированных образов, – многие из них стремятся к осознанию, а значит, могут создавать многочисленные усложнения и разнородные сочетания.

Если рассмотреть сновидения с точки зрения их связности, следует, как мы полагаем, выделить пять категорий (6).

Сновидения связные и имеющие смысл: те, которые могли бы, строго говоря, проникнуть и иногда проникают, в силу иллюзии памяти, в систему бодрствования; эти сновидения аналогичны последовательностям фактов или представлений, развертывающимся наяву; порой они лишь воспроизводят прошлые события; часто они являются представлениями о нереальных, но возможных фактах.

Сновидения связные, но не имеющие смысла; они включают в себя некое событие, противоречащее системе бодрствования, – некую неправдоподобность, невозможность; образы следуют друг за другом и взаимосвязаны, но в них есть нечто странное и невероятное. Эти сновидения родственны известным мечтаньям, ускользающим в область невозможного и чудесного; они допускают многие представления и понятия, противоречащие нормальным; к примеру, так действует первобытное и поэтическое воображение в волшебных сказках.

В этих двух категориях мы находим последовательность взаимосвязанных образов, определенное единство действия, которое порой даже сопровождается единством времени и места; единственное различие состоит в том, что первая категория строится по типу бодрствования, регулярного и объективного следования явлений и действий, а вторая допускает капризы субъективной мысли, склонной забывать законы и принципы.

Сновидения бессвязные, но о которых нельзя сказать, что они не имеют никакого смысла; в них угадывают и порой открывают отдаленный смысл или множество одновременных смыслов. Это сновидения-ребусы; входящие в них образы связаны с идеей, которую они выражают, более или менее случайным отношением (отношением смежности или внешнего сходства).

Восходя к истокам ряда таких образов, можно иногда прийти к факту или представлению, субститутом которого они являются. При пробуждении эти сновидения оставляют противоречивое впечатление, что они непонятны и все же имеют смысл, который зачастую просматривается в последовательности образов благодаря возникшему ясному образу или же смутному и стойкому эмоциональному оттенку; иногда мы приходим к решению, продвигаясь по следу ассоциаций идей, воскрешаемых их элементами. Замечательная книга Фрейда (7) полна наблюдений такого рода, и автор стремится их объяснить с помощью метода, опасного в силу его изошренности и порой напоминающего виртуозность греческих толкователей сновидений. С другой стороны, сновидения, относящиеся к этой категории, могут сочетать в себе многие смыслы – например, выражать совокупность различных интересов; тогда это – запутанный клубок, смешение определенного числа несходных стремлений. Мы не приводим пример: схема, которую мы очерчиваем, позволит всякому внимательному наблюдателю отнести к этому типу, если потребуется, какие-то факты личного опыта.

Сновидения бессвязные и подверженные изменениям, т.е. обладающие меняющимся значением. Причиной бессвязности является здесь не зыбкость и произвольный характер отношения, связывающего образ с выражаемой им идеей, и не конфликт многих стремлений, но изменение интерпретации, происходящее в процессе сновидения. Сновидения этого рода представляют собой цепочки эпизодов; ни одно из них не способно создать центральную интригу, узловой пункт действия. Образ был одной вещью, потом стал другой; персонаж меняется и последовательно становится многими личностями: в одном и том же месте реализуются факты, не связанные каким-либо единством действия; некий сюжет намечается и внезапно прерывается, сновидение отклоняется и не возвращается на исходный путь; это серия фраз, которая подчиняется не одному и тому же побуждению (*inspiration*), но случайности словесных ассоциаций или капризам авторского воображения; сплетение эпизодов без глубинной идеи, которому лишь на миг удается сформировать единство.

Наконец, на последней ступени находятся сновидения бессвязные и лишенные смысла: простая череда образов, не имеющих никакого отношения друг к другу, или же единственный образ, по-видимому, не обладающий точным ментальным содержанием.

Эти сновидения представляют собой либо вереницу разрозненных образов, не объединенных каким-то смыслом, либо неотчетливую картину. Мы увидим, что некоторые психологи считают такие образы, лишённые связи и значения, материалом всех сновидений, а толкование, которой порой удается дать этим образам, приписывают логической работе. Можно задаться вопросом, существуют ли эти сновидения как таковые или же перед нами – остатки более сложных и гармоничных сновидений.

В данной статье, цель которой – лишь очертить схему, а не представить полное описание, мы оставляем в стороне массу сопутствующих вопросов (назовем лишь один – доля сновидений каждой категории в наших наблюдениях) и сразу переходим к капитальной проблеме: как объяснить часто встречающуюся логическую связность, внутреннюю согласованность некоторых сновидений? и как объяснить эти различные структуры, эти разные степени связности – начиная от композиции столь прочной, как та, что присуща бодрствованию, до неуловимого смешения?

Два психолога, Леруа и Тоболовска (8), недавно предложили интересную гипотезу: связность сновидения обусловлена рациональной конструкцией, которая воздействует на бессвязные и смутные образы сновидения и сочетает их во вполне понятное целое. Человек, видящий сон, присутствует при прохождении несвязанных друг с другом образов, при последовательности картин, реальные отношения которых представляют собой аналогии, полностью ускользающие от нас, или ассоциации, в которых нет ничего рационального; но он добавляет к этому толкование, и этому толкованию удается составить единое целое с данными образами; он создает связи между этими обособленными элементами, и его личная интерпретация, объективируясь, предстает ему как мысль, управляющая последовательностью картин. Именно так спящий истолковывает каждую из галлюцинаций сновидения в момент ее появления, идентифицирует ее и посредством синтеза связывает с остальными. Впрочем, эта интерпретация может быть прерывистой; иногда она также дается сразу при помощи более точного образа, который служит ключом к предшествующему и наделяет значением последующее и т.п.; кроме того, она может объективироваться, т.е. вызывать в сознании спящего вторичные образы и галлюцинации, которые являются всего лишь ее проекциями.

Такая функция интерпретации свойственна не только сновидению; подобную работу логической координации мы совершаем над нашими ощущениями, когда бодрствуем; ментальная привычка, связанная с внешним миром, продолжает существовать и, захватывая ощущения, получаемые во сне, порождает мир сновидения (9).

Эту интересную гипотезу в явном виде уже сформулировал Джеймс Салли, который с ее помощью объяснял то, что он называл драматическим единством сновидения, полагая, что создание лирического единства – задача эмоции. Интеллектуальная потребность в логическом следовании присутствует во всех наших усилиях, нацеленных на то, чтобы схватить направляющую нить в малопривычной сцене. «В хаосе впечатлений мы ищем схему для его понимания» (10).

Эта теория содержит долю истины, и мы согласимся, что некоторые сновидения строятся таким образом; два наших последних класса сновидения отвечают ей и могут быть, хотя бы отчасти, объяснены с ее помощью; некоторые факты, относящиеся к другим классам, ее подтверждают. Иногда, вспоминая сновидение, мы испытываем еле заметное чувство, что связь его образов была довольно искусственной и что мы попутно выстроили гипотезу, для которой здесь не было оснований; порой даже во сне мы чувствуем слабое усилие организовать свое сновидение, чтобы разобраться в странной путанице (11); иногда также ясный образ, который возникает внезапно и заранее понятен нам, заставляет нас понять и то, что ему предшествовало: благодаря ему мы проецируем на предшествующие факты приносимую им интерпретацию; иногда в сновидении мы ощущаем, со стороны возникающих образов, некое удивление, словно бы чувство чуждости, не-понимания, внезапно исчезающее перед каким-то более ясным образом или перед идеей, которая является нам словно по вдохновению и дает почувствовать, что на сей раз «мы поняли». Но приложима ли эта теория ко всем фактам? Когда какое-то сновидение разворачивается, как часто бывает, с удивительной последовательностью, когда оно вращается вокруг ясного и привычного центрального образа, который с самого начала сообщает ему значение и единство, нужно ли говорить о порядке, неожиданно вводимом в серию бессвязных данных? Некоторым людям хорошо знакомо то, что мы назовем привычными сновидениями, которые часто повторяются, варьируясь в деталях и их сочетаниях, но выражая одну

и ту же совокупность забот и стремлений; все эти сновидения можно подвести под определенную рубрику, охарактеризовать эпитетом или значимым словом: множество эпизодов являются в них расширением единой темы. В других сновидениях, которые можно включить в наши две первые категории, мы присутствуем скорее при развитии одного образа, чем при последовательности образов, и этот исходный образ берется готовым из состояния бодрствования или сразу создается во сне. Не приводят ли такие факты по крайней мере к тому заключению, что если сновидение исходно является хаосом впечатлений, для которых сознание ищет объяснительную схему, то имеются некие схемы, способные объединить это разнообразие? Тогда можно было бы говорить о существовании не того, что утверждает теория, – не материи сновидения, представляющей собой бессвязную последовательность образов, и формы, обусловленной рациональной работой, критической функцией, воздействующей на эту материю, – но этой прерывистой последовательности и латентных формул, которые, активизируясь при первом побуждении и развивая свое внутреннее богатство, реализуют там единство.

Но стоит ли даже признавать, что бессвязность образов сновидения является в любом случае первичным фактом? Теория слишком резко разделяет содержание, материю сновидения и его форму; говорить, что материя сновидения есть череда образов, а их связь – результат рациональной работы, критической функции, оперирующей этой уже данной материей, значит забывать, что игра образов, в сущности, – не бессвязная форма и что синтетическая форма по своей природе не является пустой. Если мы обратимся к фактам, они покажут нам, что в сновидении мы не всегда идем от какого-то образа к интерпретации, ибо зачастую сновидение – это лишь продолжение дремоты, предшествующей сну; стало быть, ментальный образ, возникший в состоянии дремоты и ставший галлюцинаторным образом сновидения, связан со всей группой психических состояний, прочно конституированной в бодрствовании; здесь смысл сновидения, интерпретация образа дана в образе – скажем так, до образа, как это происходит в тех вторичных галлюцинациях сновидения, о которых говорит Леруа и которые являются не чем иным, как проекцией уже достигнутой интерпретации мысли, извлеченной из сновидения. С другой стороны, в сновидении имеются сложные и четкие образы, которые в своих деталях поддерживают, если можно так

выразиться, их легенду, так что становится излишним усилие ассимиляции и параллельной работы интерпретации; наблюдение выявляет здесь способность – аналогичную той, что существует в состоянии бодрствования, – развертывать сложный образ, дан ли он наяву или нет; ведь бывает так, что он дается впервые, т.е. конструируется сразу, во сне, как показывают некоторые наблюдения сновидений, содержащих элементы новизны и вымысла. Иногда забывают, что многие наши ассоциации – в форме, описанной психологами, выдвигающими их на первый план, – почти столь же часто являются только диссоциациями, т.е. что мы мыслим посредством анализа и постепенного разворачивания сложных, медленно или внезапно конституируемых образов; в нашем мышлении есть группы, системы образов, сориентированных вокруг одного или многих основных образов – подлинных тем, которые конституируются, сохраняются, обогащаются и разрушаются в ходе нашего опыта. Эти темы заключают в себе всю игру стремлений, эмоций, представлений. Мы не хотим анализировать здесь данный феномен; это проблема общей психологии (12), и мы берем ее в качестве факта; изучение обычной грезы и художественного творчества может лучше всего показать – в более широком плане – ту роль, какую эти темы играют в нашем мышлении. Весьма мудро было установлено, что у всех нас есть некие предпочтительные темы, из которых в благоприятный момент проистекают образы, реально или потенциально содержащиеся в них; наряду с темами, порожденными нашим опытом путем ассоциации пережитых нами событий, наряду с теми рубриками, которые являются продуктом нашей организованной памяти, подсознательное воображение конструирует, с помощью почти не изученных средств, образы сложные, богатые деталями, готовые перейти в эксплицитное состояние, а также и смутные стремления, которые представляют собой скорее призыв к образу, а не сформировавшиеся образы и означают движение, направление в смутном потоке представления, а не реальную совокупность. Итак, сновидения аналогичны этим грезам наяву; они либо только воспроизводят, в прежней или новой форме – повторения или вариации – уже использованный мотив, тему, либо исходят из новой темы, не данной в бодрствовании, либо развивают тему бодрствования, оставшуюся в латентном состоянии; а применительно к первым мы должны признать, что спящий человек, как и проснувшийся, вовсе не отпускает свою мысль в простое дефиле

образов без внутренней связи, но мысль его движется в недрах предустановленной организации; он разлагает целостности, а не связывает разрозненные элементы.

В состоянии бодрствования именно эмоциональное значение этих тем прежде всего обеспечивает их сохранение и повторение; темы, связанные с желанием или страхом, обычно повторяются, как сами эти желание и страх; а наша сознательная и подсознательная жизнь опирается на совокупность стремлений, одни из которых мимолетны, другие постоянны; но мимолетные, будущи, по сути, лишь усложнением постоянных, весьма прочны по отношению к представлениям и повторяются в тысяче разных оттенков. Стало быть, желание, страх, эмоции-стремления являются нитью, ведущей сквозь представления, из которых складываются эти теории, и в то же время – причиной их появления; а быстрое и частое продвижение каких-то сновидений к темам, которых мы боимся и желаем, приводит к выводу, что желание или страх, вызванные тем или иным возникшим представлением, развертывают серию содержащихся в них образов или же спонтанно выходят на сцену и развертываются в образы. Так, в сновидениях, образованных диссоциацией того, что мы назвали темой, интеллектуальное единство усложняется благодаря аффективному единству: возбуждение и подавленность, напряжение и расслабление, предполагаемые всеми эмоциями-стремлениями, упорядочивают богатство, длительность, скорость, колебания, перипетии движения образов.

Эмоция, предстает ли она как стремление или как состояние, играет в сновидении ту же объединяющую роль, что и наяву; в том, что касается интеллектуального содержания, она соотносит друг с другом различные представления и вводит их в одни и те же рамки; тем самым разнородные образы, пусть даже связанные с разными смыслами, но имеющие один и тот же аффективный показатель, легко ассоциируются друг с другом: так в поэзии ряд метафор, которые различаются по содержащимся в них образам, тем не менее указывают на одну и ту же аффективную черту, без труда составляя целое. Помимо этого, главная эмоция, проходящая – благодаря переносу – сквозь все ментальное содержание, навязывает ему своего рода единство действия: таковы сновидения, связанные с тревогой и страхом, где всякий возникающий образ обозначает угрозу. Наконец, эмоция создает настоящий ментальный запрет, пропуская лишь те образы, которые согласуются с

ней. Итак, не имея намерения приписывать всем сновидениям аффективное происхождение, мы все же не можем отрицать, что эмоция часто присутствует в жизни сновидения, или проистекает от образов, наличествующих в сознании, или отделяется от входящих в ее структуру органических ощущений, – которые способны повлечь ее за собой, ибо положили ей начало, – или же сохраняется от состояния бодрствования.

Следовательно, мы полагаем, что в основе многих сновидений лежит идея, т.е. крайне изменчивая и подвижная основная мысль, которая возникает с самого начала и вовлекается в группу образов, являющуюся ее репрезентацией; эта идея может быть более глубокой, чем группа образов, может быть потаенной; это значит, что она способна направлять движение образов, не присутствуя в них, не имея ясной формулировки, как бывает, когда тайное желание или подсознательная озабоченность выражаются в сознании с помощью представлений, подлинное значение и взаимосвязь которых нельзя сразу понять. Патология демонстрирует нам чрезмерное развитие этого феномена из-за подсознательных навязчивых идей, которые без ведома больного отчасти направляют ход его представлений. Или же, напротив, идея, исходное данное сновидения, может быть не чем иным, как этой группой образов, которая возникает с самого начала и, составляя своего рода систему, разворачивается, подобно импровизации поэта или музыканта.

Но в исследованиях, упомянутых Леруа и Тоболовской, мы находим факты, которые, похоже, не согласуются с этим способом толкования.

1. Во многих случаях, когда одновременно с иллюзорным образом (*hallucination*) сновидения возникает идея, нет иной реальной связи, чем их сосуществование; первый появляется у спящего как символ второй; пробудившись, он больше не видит их связи. Мы признаём этот факт, который мы неоднократно констатировали, но он только доказывает, что иллюзорный образ сновидения не связан с сосуществующей и актуально осознаваемой идеей; можно также предположить, что он зависит от лежащей глубже идеи. Ментальные образы бодрствования дают нам множество аналогичных случаев: мы читаем, размышляем, и в наше сознание проскальзывают образы, не отвечающие тому, о чем мы думаем; порой ссылаются на опосредованную ассоциацию, которая объясняет многие случаи; более детальный анализ часто выявляет подсознательные течения, подсознательные актуальные восприя-

тия, весь поток (le flot) мышления, который не постигается ясно и отчетливо в актуальной систематизации. Нередко продуманное исследование открывает нам в сновидении, как и в бодрствовании, что означает такой-то образ, т.е. с каким течением мысли он связан; это особенно применимо к сновидениям, которые мы называли ребусами, где многие потоки мышления пересекаются и смешивают свои образы.

2. Гипнагогические (13) галлюцинации, кажется, не имеют существенной психологической причины и следуют друг за другом безо всякой связи. Не обсуждая здесь природу гипнагогической галлюцинации, заметим лишь, что многие наблюдения соотносят ее с некими тревогами и органическими потребностями (14), – что имеются случаи таких спровоцированных галлюцинаций, которые заведомо являются тогда объективацией какой-то мысли, – что эта галлюцинация могла бы быть внезапно прерванным наброском сновидения, поскольку она порой вновь возникает в сновидении (15). Нет смысла возражать по поводу последнего факта, что сновидение и гипнагогическая галлюцинация в этом случае независимы друг от друга, будучи всего лишь осуществляемой в два разных момента объективацией, проекцией – в двух различных формах – одной и той же неотвязной мысли: ведь в самом этом возражении была бы признана правота того, что мы утверждаем, а именно что гипнагогическая галлюцинация может быть проекцией мысли в галлюцинаторный образ, а не только чувственным феноменом, который привлекает особое внимание.

Мы считаем обоснованным мнение, что связанные сновидения, разыгрываются ли они в сфере возможного или невозможного, и даже бессвязные сновидения, – по крайней мере те среди них, где мы открываем путем анализа пучок переплетенных тенденций и совокупность разрозненных представлений, соотносящихся с ними, или же серии представлений, которые постепенно или внезапно отклонились от исходного данного, – аналогичны мечтаниям наяву. Они являются более или менее непрерывным развитием какой-то ментальной темы, более или менее гармоничным сочетанием многих тем. Одна и та же тема может повторяться реже или чаще, как это показывают привычные сновидения. Во сне, как и наяву, тема, которой в любой момент угрожает прилив новых ощущений или игра второстепенных образов, сохраняется или исчезает в зависимости от своего значения или конкретных обстоятельств; сновидения и грезы наяву сбиваются с пути по одной

и той же причине и защищают себя одним и тем же способом; если в состоянии бодрствования рефлексивное внимание порой способствует эволюции образа, то во сне ослабление сознания и повышение порога возбудимости усиливают моноидеический характер развивающейся темы, так что из этого следует общая рассеянность, систематическая утрата восприимчивости по отношению к любому ощущению, которое не может встроиться в наличествующую систему, и чудесная способность вводить в нее нежелательные ощущения, если их нельзя совсем устранить (что доказывают все случаи, когда мы интерпретируем ощущения в зависимости от своего сновидения).

Пусть не высказывают возражение, что во сне сознание неспособно освободиться от ощущений, чтобы свободно развить предварительно сформированные темы; помимо предыдущего наблюдения, мы заметим, что часто даже наяву мечтание надстраивается над ощущениями. По сути, ощущение есть призыв к образу, и если верно, что определенность бодрствования состоит в том, чтобы проецировать на ощущения только адекватные образы, столь же верно, что вокруг сформированного таким путем восприятия остается ореол едва намеченных образов, проявляющихся в результате малейшего ослабления внимания, малейшего забвения обычной жизни, малейшего впадения в «состояние грезы»; образ, скажем так, ускользает от ощущения и начинает собственную жизнь. Точные опыты (*crystal gazing* (16)) показали, в какой мере в некоторых состояниях сознания ощущение способно пробуждать образы того же сенсорного порядка или дополняющие их, обеспечивая им точку опоры; при сновидении ощущение является только неким намеком. Стало быть, единство сновидения – то самое единство, которое воображение, присущее бодрствованию, помещает в свои творения: это стремление составлять совокупности, «мыслить образами» и при помощи систем. Если дан психический образ, часто говорят о его развитии путем ассоциации, но затрудняются сказать, почему он развивается в том или ином направлении; прибегают к гипотезам, иногда вполне четким (конstellация, соматическое состояние и пр.). Но порой этот образ бывает лишь освещенной стороной более сложной группы, и именно в этом качестве он сохраняется и развивается. Воображение, конструирует ли оно образы путем слияния элементов, заимствованных у разных частей опытов, или же последовательности образов, действует

как синтетическая функция, полагающая целое одновременно с частями. Между сновидением и грезой есть лишь различие в усложнении и систематизации. Жизнь в состоянии бодрствования – это очень сложная система представлений и принципов, стремлений и целей, привычек и воспоминаний, которые строгая функция синтеза располагает на последовательных уровнях. Когда эта организация, свойственная бодрствованию, ослабевает во сне, это не значит, что сознание сразу же впадает в аморфность, дезорганизуется; исчезает прежде всего центральное единство, иерархия стремлений и целей, координация ощущений и образов, образов и движений, согласованность настоящего и прошлого, предварительное формирование будущего в настоящем, сознание целостного «я», короче говоря – психическая ориентация. То, что остается, – это разрозненное множество психических систем, иные из которых переходят через порог сознания и становятся сновидениями; стало быть, от связности, присущей бодрствованию, до бессвязности, порой замечаемой во сне, имеется много промежуточных форм, и мы попытались определить некоторые из них. Но нам кажется, что бессвязность – это скорее предел, чем состояние. Жизнь сновидения складывается из элементов (*est une vie élémentaire*). Но всякий психический элемент – это уже система более или менее высокого порядка.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) В том смысле этого слова, какой имеют в виду, когда говорят, например, о галлюцинациях-рефлексах.

(2) Порой во сне мы испытываем адекватные, хотя и неясные ощущения; например, грусть мы смутно воспринимаем как таковую, не вовлекая ее в сновидение, но и не локализуя ее и не приписывая себе явным образом. В данном случае нельзя сказать, что мы видим сон; если этот феномен не имеет места на стадии пробуждения, то здесь действует подсознательное восприятие реальности (*subconscience du réel*), которое, сквозь сонное оцепенение и фантазмагии сновидения, сохраняется у спящего «я», как в тех случаях, когда мы пробуждаемся в нужное время.

(3) См. прекрасную работу г-на Бергсона в “*Bulletin de l’Institut psychologique*”, 1901 (Имеется в виду работа «Сновидение». Русский перевод см. в: *Бергсон А. Собр. соч. В 5 т. Т. 4.* – СПб., 1914. – *Прим. пер.*).

(4) *Revue scientifique*, 1891.

(5) Методичное изучение сновидений, думается, будет все больше показывать, что существуют разные способы видеть сны и разные

типы сновидцев. Сколько имеется промежуточных форм между сновидением – чистым воспроизведением смутных воспоминаний дня или слабой интерпретацией ощущения – и великими имажинативными сновидениями! сколько уровней отделяют человека, который не видит снов, от, например, Эрве де Сен-Дени! (Маркиз д'Эрве де Сен-Дени (1822–1892) – французский филолог, синолог, автор книги «Сновидения и способы ими управлять» (1867). – *Прим. пер.*)

(6) См. *Freud S. Über den Traum.*

(7) *Freud S. Die Traumdeutung, 1900.*

(8) *Tobolowska J. Étude sur les illusions de temps dans les rêves du sommeil normal, 1900; Leroy B. et Tobolowska J. Mécanisme intellectuel du rêve. Rev. Philos., 1901. 2.*

(9) Другие авторы, чью теорию мы здесь не будем обсуждать, сочли возможным связывать сновидение с моментом пробуждения и приписали мышлению, характерному для состояния бодрствования, функцию для структурирования сновидения из образов, которые присутствуют в мышлении, осуществляемом во сне (см., в частности, *Goblot, Rev. Phil., 1896, et Foucault, Th. Lat. Alcan, 1901.*)

(10) *Sully J. Les illusions, Alcan.*

(11) Я соотнесу с этим достойное внимания чувство, которое назову чувством «*Ad libitum*» [по собственному усмотрению]: в сновидении одновременно даются две интерпретации, два смысла, и сознание (*esprit*) ощущает себя свободным выбирать, направляться к одному или другому.

(12) См.: *Bergson H. Matière et Mémoire; Binet. Étude expérimentale de l'intelligence.*

(13) То есть предшествующие сну, свойственные моменту засыпания. – *Прим. пер.*

(14) *Maury. Annales médico-psychologiques, 1857; Le sommeil et les rêves; Flournoy, in: Myers F. Human Personality. I, 568.*

(15) *Maury. Annales médico-psychologiques.*

(16) Гадание с помощью «магического кристалла» (англ.).